

ляющую синтез двух парадигм — формальной (генеративной) и функциональной с учетом таких характеристик, как грамматическая структура предложения, определение глубинных падежей, а также особенностей взаимодействия информации в дискурсе.

Ключевые слова: информационная структура предложения, старая/новая информация, топик/комментарий, фокус/фон.

The article highlights modern approaches to studies of sentence information structure (IS sentence), determining its main components (new / old information for discourse, topic / comment, focus / background) and their correlation. In the view of latest linguistic trends, the author offers her methodology of IS sentence analysis. The approach presupposes synthesis of two paradigms — formal (generative) and functional, which would consider such characteristics as sentence grammatical structure, determination of deep cases as well as peculiarities of information interaction in discourse.

Key words: information structure of a sentence, old / new information, topic / comment, focus / background.

УДК 81:1; 81:39

СЛОВО «НАРОД» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ¹

Воркачев С.Г.,

Кубанский государственный технологический университет

На материале паремиологического фонда исследуются наиболее древние и устойчивые представления русского этнического сознания о народе; устанавливается, что простота выделения народа как трудового большинства населения страны здесь усложняется амбивалентной оценкой властной элиты, в составе которой выделяются положительная и отрицательная части.

Ключевые слова: народ, элита, пословица, национальный характер.

К непосредственному изучению идеологического концепта «народ» российская лингвокультурология обратилась с некоторым запозданием по сравнению с такой другой базовой составляющей идеи патриотизма, как «родина», в то время как косвенно, конечно, он исследовался, главным образом, в межкультурной коммуникации через такие характеристики, как этничность, этническая идентичность и национальный характер.

Данная работа выполнена в лингвокультурологическом ключе и посвящена исследованию этноспецифических черт характера русского народа, закреплённых в русском пословичном фонде.

Считается, что в единицах естественного языка отражается «наивная картина» мира его носителей [2, т. 1: 56–60], а в лексической семантике представлено «обыденное сознание» этноса, в котором закреплёны память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология. Специфические же черты этого сознания — этнический менталитет — то, что в русской традиции можно назвать «духовностью» — хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творчества.

Паремический корпус языка образует, пожалуй, тот пласт лексики, в котором «отложены» наиболее древние и устойчивые архетипы этнического сознания, сформированные ещё при становлении нации и восходящие к этике крестьянства, выступавшего «определяющим сословием для русских как этноса» [12, 118–119]. Конечно, в современном языке пословицы и поговорки превращаются в достойные литературного жанра — в устной речи их мало-помалу вытесняют рекламные слоганы и

---

¹ В качестве источников использовались паремиологические словари: Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. — М., 1988; Даль В. Пословицы русского народа: В 3 т. — СПб., 1996; Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М., 2000; Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. — М., 2005; Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. — М., 1997; а также сайты Рунета: posloviz.ru; poskart.ru; millionstatusov.ru; ru.wikipedia.org/wiki; aphorisms.org.ru.

прочие прецедентные явления. Тем не менее, они по-прежнему составляют основу пассивного лексического фонда носителей русского языка и, безусловно, могут служить отправной точкой для исследования эволюции языкового сознания.

Мнение русского народа о самом себе передается где-то двумя сотнями пословиц и поговорок (см.: [1; 3; 4; 5; 6]), где представлены такие словарные лексико-семантические варианты лексемы «народ», как 1) просто «люди» (см.: [10, т. 7: 448; 13, т. 2: 413; 7: 344]); 2) «группа людей, имеющих что-либо общее, какие-либо общие признаки» [10, т. 7: 448]; 3) «население, жители страны» [7: 344; 8: 391]; 3) «национальность, народность, группа родственных племен» [10, т. 7: 446; 13, т. 2: 413; 8: 391] и 4) «основная масса трудового населения, «простонародье» (в основном крестьянство и мещанство)» [11, т. 2: 724] — «простые люди», от которых отделяется меньшинство — властная элита. Естественно, здесь нет слова «нация», зато чуть ли не в каждой второй пословице присутствует слово «мир» — имя крестьянской общины.

Если в афористических высказываниях о русском народе ощущается присутствие некоей отстраненности — ведь о нем говорят представители национальной, но все-таки элиты, то в пословичных изречениях русский народ говорит о самом себе и, тем самым, воспроизводит сложившиеся в национальном сознании автостереотипы. Более того, с определенной долей уверенности можно предполагать, что когда он говорит о свойствах народа вообще, в конечном итоге, «по умолчанию», он имеет в виду все также себя самого.

Значение «люди» как супплетивная форма множественного числа к имени «человек» лексемой «народ» передается где-то в десятке пословиц: «*В избе драка — народ у ворот*»; «*Вались народ от Яузских ворот!*»; «*Дьякон во весь народ завякал*»; «*Живой мертвого бьет, мертвый благим матом кричит, на крик народ бежит*»; «*Народ как волна, так и шапка полна (т. е. у торговца)*»; «*Нетолченая труба народу. Едут — дуга на дуге (много)*»; «*Ныне народ больно смешился стал: и соврать не дадут*»; «*Ныне народ хуже прошлогоднего: пришел ввечеру, а вышел поутру — скажут, что ночевал*»; «*Плохая шутка баламутка. Хорошо пошутил, народ помутил*»; «*То пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник*»; «*Что больше народу в церкви, то он (ханжа) выше руку заносит*».

Значение профессиональной общности передается лишь в двух пословицах: «*Подъячий — породы собачей; приказный — народ пролазный*»; «*Я и сам с Волги. Здесь народ — Волга (т. е. бурлаки, бойкий)*».

Как и афоризмы, пословицы — универсально-референтные и внеконтекстные (во всяком случае, в сборниках и паремиологических словарях) высказывания, во многих случаях «развести» лексико-семантические варианты присутствующей в них лексемы «народ» и отделить друг от друга понятия «народ-население», «народ-нация / этнос» и «собственно народ» не представляется возможным. Поскольку из-за недостаточной разрешающей силы контекста многозначность лексемы «народ» не снимается, здесь представляется вполне допустимым условное иллюстративное выделение одного из значений этой лексемы.

Этническое значение слова «народ» реализуется в пословичном фонде русского языка, как минимум, в нескольких вариантах.

Прежде всего, это «народ вообще», однозначная речевая реализация которого определяется присутствием множественного числа или определительных детерминантов: «*Народы нашей страны дружбой сильны*»; «*В какой народ попадешь, такую / такую и шапку наденешь*»; «*В каком народе живешь, того и обычья держись*»; «*Что край, то обычай; что народ, то и вера*».

В отсутствии подобных признаков разделить значения народа-этноса, народа-населения и собственно народа как части последних не представляется возможным: «*Народ — не камень: на месте не лежит*»; «*Народ, как вода на ночвах переливается*»; «*Народу служить — не ворон ловить*».

«Народ вообще» в русских пословицах представляется бессмертным («*Народ не убьешь, его на всё хватит*»; «*Народ что бор дремучий: весь до корня не вырубить*»), непобедимым и всемогущим («*Если народ един, он непобедим*»; «*Кто с народом, тот непобедим*»; «*Солнце не померкнет, народ не сломится*»; «*Народ захочет, бездну перескочит*»; «*Если вздохнуть всем народом — ветер будет*»).

Его невозможно заставить молчать («*Гром и народ не заставишь умолкнуть*») и опасно обижать («*Обиженный народ хуже ос жжёт*»), он составляет основу мощи и благополучия страны («*Земля народом сильна*»; «*Без народа — одна невзгода*»). Он всегда прав и никогда не ошибается («*Народ зря говорить не будет*»; «*Где народ, там и правда*»; «*Море не высохнет, а народ не заблудится*»), у него следует учиться и его следует учить («*Учи народ, учишь у народа*»).

Прославляется служение народу («*Для себя жить — тлеть, для семьи — гореть, а для народа — светить*»; «*Если народу служить, и на полюсе можно прожить*»; «*Служи так народу, чтобы за него в огонь и в воду*»; «*Кто стоит за народ, того народ героем зовёт*»).

Конкретный народ в русских пословицах представлен в трех основных ипостасях: русские как жители России («русак»), русские как жители конкретных городов и областей России и иностранцы.

Русские как жители конкретных городов и областей России фигурируют в нескольких пословицах, часто в достаточно неприглядном виде: «Город Архангельский, а народ в нем — дьявольский»; «Лысковцы — народ честный; коли не вор, так мошенник»; «Коляне господни — народ израильский: что ни слово, то забудра»; «Смоляне миром блоху давили»; «Города Коростеня, владения Ольгина, народ кривичи»; «Русак — до читанья, хохол — до спеванья».

Иностранцы — немец, француз, поляк — так же описываются без особой симпатии и лишь на фоне русского: «Что русскому здорово, то немцу — смерть»; «Русский немцу задал перцу»; «Кабы у немца наперед, что у русского назади — с ним бы и ладов не было»; «Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский — глазами (перенимает)»; «Француз (поляк) боек, а русский стоек».

Что же касается русских самих по себе, то они фигурируют уже почти в полусотне пословиц. Где-то два десятка из них — аксиологически нейтральны: свойствам характера русского человека в них никакой оценки не дается, а приводится простая констатация неких психологических фактов. Таких, например, что русский человек весьма свободно относится ко времени («В русский час много воды утечет»; «Русский час — все сейчас. Русский час долог»; «Русский час — с днем тридцать; деревенский месяц — с неделей десять»), что он любит тепло и баню («Русская кость тепло любит»; «Русского человека что парит, то и правит / лечит»), что он миролюбив и сам в драку не лезет («Русский задора ждет»; «Русский терпелив до зачина»), что он нуждается в сильной власти («Нельзя быть земле русской без государя»; «Русский народ — царелюбивый»), что он тяжеловат на подъем («Русские медленно запрягают, но потом быстро скачут»), любит праздники («Русская рубаха без цветных ластовок не живет»), живет большими семьями («Русский человек без родни не живет») и пр. («Русским богом да русским царем святорусская земля стоит»; «Наш народ растет из года в год»; «Наш народ по будням затаскан»).

В одной пословице воспроизводится ставший впоследствии, пожалуй, самым популярным стереотип о двусмысленности и противоречивости русского национального характера: «Из нас, русских, — как из дерева: и дубина, и икона».

Отрицательные черты характера русского народа отмечаются всего лишь в 7 пословицах: обилие дураков («На Руси, слава богу, дураков лет на сто припасено»), отсутствие предусмотрительности («Русак умен, да задним умом. Русский назад умен. Русский человек задним умом крепок»), склонность к неоправданному риску, беспечность («Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь. Русский человек любит авось, небось да как-нибудь. Русский на авось и взрос»), необходимость принуждения для успеха дела («Русский народ не боится креста, а боится песта»), любовь к «зеленому змию» («Русский с горя пьет и с радости»), разгульность и хвастливость («Русский человек и гуллив и хвастлив»).

В то же самое время, в отличие от русской афористики, положительные свойства русского национального характера отмечаются уже почти в двух десятках пословиц. Русский человек смекалист и умен («Бей русского, часы сделает»; «Русский что увидит, то и сделает»; «Русский догадлив / сметлив / себе на уме»); «Русак не дурак: поест захочет — скажет, присест захочет — сядет»), у него — отменный аппетит, он практически всеяден («В русском брюхе и долото сгниет»; «Русский аппетит никогда / ничему не претит»), он отличается храбростью и бойцовскими качествами («Враг боек, да наш народ стоек»; «Русский до конца стоек»; «Русский молодец — сте басурманам конец»; «Коли у русского солдата поясница поразомнется да ноги поразмотаются, так только держись подметки»; «Смерть русскому солдату свой брат»; «Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит»; «Русский в поле не робеет»), он сам — добр и помнит чужое добро («Русский человек — добрый человек»; «Русский человек добро помнит»), обязателен («Наш народ зря не любит говорить, а если сказал, то связал»; «Русский в словах горд, в делах — тверд»), непобедим («Наш народ сплочен, как один, он — непобедим») и гостеприимен («Русский человек хлеб-соль водит»).

Особенностью русского паремического фонда является массовая (более 80 единиц) представленность в нем лексемы «мир» в значении «сельская община, а также члены этой общины»; «общество крестьян»; «сходка». В современной лексикографии она фиксируется с пометой «истор.» (см.: [13, т. 2: 223–224; 9, т. 2: 275]), а в современной речи воспроизводится, главным образом, во фразеологических оборотах («всем миром») и в пословицах.

Как уже отмечалось, паремический фонд русского языка создавался в те времена, когда «определятельным сословием» для русского этноса было крестьянство, и, видимо, поэтому слово «мир» как крестьянская община синонимизируется здесь в значительной мере со словом «народ».

«Мир» заменяет «народ» в значении «люди»: «*На миру и смерть красна*»; «*На миру работа спора*». Однако в большинстве пословиц подчеркивается значимость, сила и суверенность решений крестьянской общины — народа: «*Кто больше мира будет? С миром не поспоришь*»; «*Мир — велик человек, всякого прокормит*»; «*Мир дунет — ветер будет, мир плюнет — море будет, мир охнет — лес сохнет*»; «*Мир заревет, так леса стонут*»; «*Мир зинет — камень треснет*»; «*Мира не перетянешь*»; «*Мирская шея толста (т. е. много снесет, сможет)*»; «*С миром и беда не убыток. Мир — золотая гора*»; «*Что мир порядил, то Бог рассудил*»; «*Что миром положено, тому быть так*»; «*Мир никем не судится, одним Богом*».

Немало волнует русского крестьянина присутствие воров в общине: «*Вор ворует, а мир горюет*»; «*Вор попал, а мир пропал. Вор попался, а мир поплатился*»; «*Один вор всему миру разоренье*».

В паремическом корпусе четко отражается потребность русского народа в сильной и стабильной власти, признание необходимости такой власти, которая воплощается в образе царя: «*Русский народ — царелюбивый*»; «*Нельзя быть земле русской без государя*»; «*Народ — тело, царь — голова*»; «*Где хан (царь), тут и Орда (и народ)*»; «*И мир не без начальника (не без головы)*»; «*Мир без старосты, что сноп без переясла*»; «*Мир — всех старше, а и миру (и в миру) урядчик есть*»; «*Русским богом да русским царем святорусская земля стоит*»; «*Народ без грозы, что конь без узды*»; «*Русский народ не боится креста, а боится песта*».

«Собственно народ» как трудовое большинство населения страны в русском паремическом корпусе выделяется достаточно просто — отделением от него властной элиты того времени: царя и его присных — бояр и воевод: «*Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает*»; «*Народ согрешит — царь умолит; царь согрешит — народ не умолит*»; «*Царь и народ — все в землю пойдет*».

Однако простота иерархического деления усложняется здесь амбивалентной оценкой самой властной элиты, в составе которой выделяются положительная и отрицательная части: сам царь и исполнители его воли — бояре и воеводы. Можно сказать, что миф о добром царе и злых боярах сложился еще в те стародавние времена: «*В городе (В Питере) рубят, по деревням (по городам) щепки летят (т. е. вести, письма расходятся; или: города, деревни, народ приплачиваются за боярские причуды)*»; «*Мир окладывают, да волости скрадывают*»; «*На мир — беда, а воеводе — нажиток*»; «*Наказал Бог народ — наслал / послал воевод*»; «*Помутися народ, накорми воевод! Помути Бог народ, накорми воевод!*»; «*Царю застыят, народ напастят*». Особенно раздражают русский народ временщики: «*Как мир вздохнет, и временщик издохнет*»; «*Не царь гнетет народ, а временщик*».

Таким образом, исследование представлений о народе в русских пословицах позволяет прийти к следующим заключениям.

В паремическом корпусе языка отложены наиболее древние и устойчивые архетипы этнического сознания, сформированные при становлении нации и восходящие к этике крестьянства.

Особенностью русского паремического фонда является обилие в нем единиц с лексемой «мир» в значении «крестьянская община», где «мир» синонимизируется словом «народ».

В пословичных изречениях русский народ говорит о самом себе и, тем самым, воспроизводит сложившиеся в национальном сознании эндостереотипы.

Отрицательные черты характера русского народа отмечаются всего лишь в нескольких пословицах. В то же самое время, в отличие от русской афористики, положительные свойства русского национального характера отмечаются уже почти в двух десятках паремических единиц.

Простота выделения «собственно народа» как трудового большинства населения страны в русском паремическом фонде усложняется амбивалентной оценкой властной элиты, в составе которой выделяются положительная (царь) и отрицательная (бояре-воеводы) части — свидетельство того, что миф о добром царе и злых боярах сложился еще в те времена.

В паремиях о народе уже фигурируют такие стереотипы, как неоднозначность характера, отсутствие у русских людей предусмотрительности, склонность к неоправданному риску, беспечность, необходимость принуждения для успеха дела, любовь к «зеленому змию», разгульность и хвастливость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки / В.П. Аникин. — М.: Художественная литература, 1988. — 431 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х томах / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Даль В. Пословицы русского народа: в 3 т. / В. Даль. — СПб.: Диамант, 1996.

4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. — М. : Русский язык, 2000. — 544 с.
5. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спириин. — М. : Цитадель, 2005. — 544 с.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 3 т. / М.И. Михельсон. — М. : Терра, 1997.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. — 848 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1998. — 944 с.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. — М. : Русский язык, 1981.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.—Л. : АН СССР, 1951—1965.
11. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. — М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956.
12. Уфимцева Н.В. Этнос и традиция / Н.В. Уфимцева // RES LINGUISTICA. Сборник статей к 60-летию проф. В.П. Нерознака. — М. : Academia, 2000. — С. 118—122.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. — М. : Астрель-Аст, 2000.

На матеріалі пареміологічного фонду досліджуються найбільш давні та стійкі уявлення російської етнічної свідомості про народ; встановлюється, що простота виділення народу як трудової більшості населення країни тут ускладнюється амбівалентною оцінкою владної еліти, у складі якої виділяються позитивна і негативна частини.

Ключові слова: народ, еліта, прислів'я, національний характер.

The most ancient and constant views on Russian mentality are studied on the basis of proverbs. It is established that in them the simplicity of grasping people as a working majority is complicated by the ambivalent evaluation of governing elite in which positive and negative parts are distinguished.

Key words: people, elite, proverb, national character.

УДК81'367.4

СИНТАКСИЧНА МЕТАФОРА У СВІТЛІ ГРАМАТИКИ КОНСТРУКЦІЙ (багатозначність структури NP_2 of NP_1)

Жаботинська С.А.,

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

У статті надається лінгвокогнітивне пояснення причин синонімії та багатозначності синтаксичних структур, запропоноване з позицій граматики конструкцій, у якій конструкція розглядається як єдність узагальненої синтаксичної форми (формальної моделі) та узагальненого значення (концептуальної моделі). Синонімія та багатозначність синтаксичних структур зумовлені тим, що узагальнене значення конструкції, яким є одна з базисних пропозиціональних схем, може бути виражене не тільки закріпленою за нею інгерентною формою, а й формами інших конструкцій. В останньому випадку має місце взаємодія двох базисних пропозиціональних схем, спричинена синтаксичною метафорою. Її дія проілюстрована на прикладі англійської синтаксичної структури NP_2 of NP_1 , аналогом якої у слов'янських мовах є субстантивне словосполучення з генітивом.

Ключові слова: синтаксис, конструкція, взаємодія базисних пропозиціональних схем, синтаксична метафора, полісемія конструкцій.

Однією з провідних парадигм сучасного мовознавства є когнітивна лінгвістика, представлена низкою шкіл і теорій, у яких надається пояснення різних феноменів мови й мовлення з урахуванням їх поняттєвих засад (ментальних структур і процесів). При цьому когнітивна лінгвістика спирається на постулат теорії іконізму, за яким форми мовних знаків ізоморфні формам мислення, а не утворюють у ньому окремий самостійний модуль, як припускається в генеративних студіях. Аналогічна ідея отримує розвиток у *граматиці конструкцій* (Construction Grammar), згідно з центральною тезою якої конструкції є формальними моделями (наприклад, синтаксичними чи слово-